

Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 3: dělo-gospodь. Praha, 1992; seš. 4: gostь-istonŕti. Praha, 1994; seš. 5: istopiti se-kleŕti. Praha, 1995.

С небольшим разрывом во времени вышли в свет очередные выпуски "Этимологического словаря старославянского языка", охватывающие лексический материал в объеме букв *d, e, f, g, ch, l, k* (*kada-kleŕti*). Высокий профессиональный уровень словаря и та регулярность, с которой выходят выпуски, говорят о целенаправленной, интенсивной работе коллектива брненских этимологов, возглавляемого доктором Е. Гавловой. Большой профессиональный опыт, накопленный в процессе многолетней работы над этимологическим словарем славянских языков, целенаправленные творческие поиски в области славянской этимологии помогли составителям найти свой самостоятельный подход к построению этимологического словаря языка древнейших славянских памятников, разработать стройную, содержательно емкую концепцию словаря, отвечающую требованиям современной науки. Строгая и очень четкая организация большого и разнообразного лексического материала является одним из важных достоинств словаря. Составителям удалось найти адекватную материалу структуру словарной статьи, представляющую все аспекты словообразовательного, семантического, этимологического изучения древнего слова. Старославянское слово, рассматриваемое во всем многообразии внутриязыковых связей, предстает и как составная часть общеславянского наследия, как продолжение и развитие в одной части южнославянского ареала тенденций, заложенных еще в праславянском языке. Это обстоятельство придает особую ценность словарю, выполняющему одновременно функцию надежного справочного пособия по деривационным отношениям в старославянском языке и славянской этимологии в целом. Составители виртуозно справляются со стоящими перед ними задачами, особенно если учесть неполноту, фрагментарность исходного материала.

В словаре обработан большой лексический материал. Основное содержание настоящих выпусков составляют простые и производные слова, слова с приставками *is-, iz-* и бесприставочные образования. В качестве заглавного даются слова, которые стали производными для гнезда родственных образований, приставочные глаголы, не засвидетельствованные в простом, не связанном виде (ср. *iskusiti*). Наряду с аппеллативами в корпус словаря включены собственные имена (ср. *Dragomirь, Gorazdь, Jaroslavь, Gněvisa, Izęslavь* и др.), географические названия (ср. *Дньперь, Дунайь*). В соответствии с принятой концепцией слово характеризуется с разных сторон, и каждой характеристике отводится строго определенное место в структуре словарной статьи. В словаре четко разделены зоны, в которых сообщается информация о грамматических формах слова, в отдельных случаях, иллюстрируемых примерами из текстов, приводится полный перечень производных, последовательно прослеживаются миграции старославянских слов в славянские и неславянские языки. Основная часть словарной статьи отводится этимологическому истолкованию рассматриваемого слова. Не претендуя на собственные оригинальные решения, составители предлагают вниманию читателя реферирование и аннотирование существующих этимологических версий. Авторская позиция проявляется в объективной, взвешенной оценке разных подходов к истолкованию слова, в умении точно подметить слабые и сильные стороны известных этимологий. Этимологические версии пронумерованы и разделены абзацами. Те версии, которые представляются

авторам наименее вероятными, набраны петитом. Каждому из фрагментов словаря предпослан заголовок, набранный жирным шрифтом: заглавное слово с указанием в скобках источника, производные, экспансия слова, этимология.

В словаре доминирует гнездовой подход, и такой подход имеет определенные достоинства, поскольку позволяет в полном объеме наглядно представить существующие в языке родственные связи. В некоторых случаях в составе производных образований оказываются слова архаичной структуры, слова, построенные по древним словообразовательным моделям. И как мы уже отметили в рецензии на предыдущие выпуски, такие слова, на наш взгляд, требуют выделения и самостоятельной разработки. К числу таких интересных образований следует отнести *jato* 'еда, пища' (Supr.), включенное в гнездо ст.-слав. *jasti* 'есть'. И хотя это слово идет в статье отдельной строкой и для него со ссылками на Миклошича и Вайана сообщается возможность этимологического объяснения из *jasto*, тем не менее этой информации явно недостаточно; как нам кажется, требует более развернутого обоснования словообразовательная структура слова, видимо, сложившегося еще в индоевропейскую эпоху. Для этого образования с архаичным суф. *-to* находим соответствие в рус. диал. (урал.) *ест* м.р. 'вкусный кусочек (пищи)' (Филин 9, 41), а за пределами славянских языков – тот же суффикс характеризует ст.-прусс. *istai* 'еда', далее греч. *ἔσττος, возможно, из более древнего *ἔσττος, др.-инд. *ātum* и др. (<*ēd-tom). См. F. Stawski–Słownik prastłowiański 2, 39; 6, 156; В.Н. Топоров. Прусский язык. Словарь: I–K, 89–90.

Слова, зафиксированные в памятниках старославянской письменности, имеют свою внутреннюю дописменную историю. С помощью различных приемов внутренней и внешней реконструкции исследователи пытаются выявить архаичные элементы структуры и семантики и на этой основе восстановить семантические и словообразовательные потенции слова, определить по остаточным явлениям основные звенья эволюции слова. В словаре наряду с этимологическими задачами попутно решаются некоторые вопросы изучения семантики старославянского языка. Так, основываясь на семантике производных образований (ср. *inočъstvo* 'монашество', *inočъsky* 'одинокий', 'иноческий, монашеский' и др.) авторы приходят к выводу о том, что ст.-слав. *inokъ* было свойственно значение 'монах'. В качестве аргумента приводится *inokъ* в значении 'монах' из Изб. Св. (Срезневский I, 1103), памятника конца XI в., не вошедшего в основной корпус источников Пращского словаря. В SJS это слово представлено только в значении 'тот, кто живет один, одиночка, зверь одиночка'. Подобные наблюдения позволяют по косвенным источникам полнее представить семантику старославянских слов. Правда, остается при этом не совсем понятным, почему в качестве заглавного приводится *inokъ* только в значении 'монах' (ESJS 4, 244), а основное старославянское слово, засвидетельствованное в Супрасльской рукописи в старом значении, лишь упомянуто внутри словарной статьи. В старославянских памятниках еще основным остается значение, этимологически мотивированное производностью от *jinъ* 'другой, иной', в свою очередь, связанного с и.-е. **ojno-*, ср. др.-лат. *oinos* 'один' и др. Как отмечают и сами авторы, терминологизация этого слова, использование его для передачи греч. *μοναχός* вторична. Поэтому логично ожидать вынесения в качестве заглавного именно старославянского слова в его основном значении.

Особенности употребления слова в разных текстах, семантические оттенки, выявляемые в процессе анализа, являются одним из основных источников уточнения семантики и восстановления на этой основе исходных звеньев семантической эволюции слова. В комплексном подходе к решению этимологических задач семантике нередко принадлежит решающая роль при выборе того или иного этимологического решения. Так, к примеру исследования (работы Шарапатковой, И. Немца), в результате которых удалось выявить реликты старого значения ст.-слав. *grěchъ* 'промах, ошибка', *pogrěšiti* 'отклониться (от цели), промахнуться', позволяющих с достаточной определенностью сделать выбор в пользу этимологии от основы со значением кривизны, ср. лит. *graižis* 'косой', лтш. *grēzs* 'кривой' (см. ESJS 4, 202). Вообще в разных выпусках словаря прослеживается интерес к семантическим вопросам, к обоснованию этимологии в семантическом плане с восстановлением исходных звеньев семантической эволюции.

Некоторые из приведенных примеров, извлеченных из церковнославянских памятников, дополняют перечень уже установленных соответствий. Приведенные в словаре ц.-слав. *дуть* в значении 'чума, мор' (Bes.) и чеш. *dým* с тем же значением (ESJS 3, 157)

расширяют состав гнезда, объединяющего слова с анатомическим значением (ср. ЭССЯ 5, 202: *дыте).

Ценность опубликованных выпусков в том, что они предоставляют читателю полный свод этимологических версий. Высокий профессионализм, полнота и надежность представленного в словаре материала делают это издание ценным справочным пособием по славянской этимологии.

Л.В. Куркина*

Wiesław Boryś, Hanna Popowska-Taborska.
Słownik etymologiczny kaszubszczyzny.
Tom I. A–Ć. Warszawa, 1994. 272 s.

Накануне окончания XX века можно с полным основанием утверждать, что важнейшим достижением славистики второй половины этого века стал подъем славянской этимологии, итогом и показателем которого является создание целой серии этимологических словарей. Их массированное появление за относительно небольшой (при учете трудо- и наукоемкости предприятий) период означает реализацию определенной закономерности развития славянского диахронического языкознания, сущность которой, вероятно, в том, что накопление некоторых (минимальных или оптимальных) базовых материальных и теоретических фондов в других его областях (исторической грамматике, словообразовании, диалектологии, исторической и диалектной лексикологии и лексикографии) обусловило и возможность, и необходимость этимологического осмысления лексики на новом уровне. И выход в свет рецензируемого словаря – еще одно подтверждение этого.

В серии славянских этимологических словарей "Słownik etymologiczny kaszubszczyzny" (далее, в соответствии с авторским употреблением, – SEK) займет особое место: это предопределено объектом исследования. Специфика польского словообразования дала авторам возможность избежать в названии словаря ("Słownik ... kaszubszczyzny") выражения своего решения старого, но все еще открытого вопроса о статусе kaszubszczyzny: отдельный славянский язык или диалект польского? Но во вступительной части SEK, в связи с необходимостью изложения методики исследования и структуры словарных статей, определенно признается разработка темы как этимологического словаря группы диалектов (кашубского, словинского, поморского) польского языка и подчеркивается специфика SEK как первого д и а л е к т н о г о этимологического словаря (с. 8).

Адекватность исполнения поставленной научной задачи гарантирована авторским коллективом – творческим содружеством известной исследовательницы кашубско-словинских диалектов (включая и этимологический аспект) Г. Поповской-Таборской и не менее известного слависта-этимолога В. Борыся, одного из авторов краковского "Праславянского словаря" (SP) и руководителя соответствующего научного коллектива. Словарные статьи I тома SEK поделены между соавторами приблизительно поровну следующим образом: *aba – bzinka* (с. 69–178) – автор Г. Поповская-Таборская, *barda – čyńćc* (с. 178–272) – автор В. Борысь.

Специфика объекта исследования обусловила многие структурные особенности SEK, прежде всего – значительный объем Введения (Wstęp – стр. 7–36, не считая краткого Od autorów, списка источников и литературы, рационально объединенных одним алфавитным порядком, и указателя сокращений). Введение содержит детальную и очень полезную информацию об истории этимологизации кашубской лексики, о ее диалектной дифференциации, о существующих источниках кашубских лексических материалов (с характеристикой специфики каждого) и о принятой в SEK форме нормализации записи кашубских звуков (авторы используют транскрипцию, разработанную при участии Т. Лера-Славинского и К. Нича для кашубского словаря Б. Сыхты). Наконец, во Введении

* © Л.В. Куркина